

КОНЦЕПТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

О.А. Турбина

CONCEPT AS AN OBJECT OF LINGUISTICS

О.А. Turbina

Предлагаемая читателю статья входит в серию статей автора, посвященных изучению концепта как объекта лингвистической науки. Анализ термина концепт проводится с позиций систематики языка и речевой деятельности. Концепт рассматривается как когнитивный коррелят лингвосомиотической единицы, как оперативная единица или категория мышления, формирующаяся в процессе речемыслительной деятельности, но формируется, в отличие от понятий, по преимуществу естественным путем, т. е. тем же путем, каким рождаются слова.

Ключевые слова: концепт, понятие, слово, психосистематика, система языка, языковое сознание, концептуализация, вербализация.

The present article is included into the series of the author's articles devoted to the research of "concept" as an object of linguistics. The term "concept" is analyzed from the point of view of psychomechanics. Concept is regarded as a cognitive correlate of the lingvosemiotic unit, as an operative unit or a category of thought formed in the process of thinking and communication. Concepts unlike notions are formed in a natural way, in the same way words appear in the language.

Keywords: concept, notion, word, psychosystematization, language system, lingual mentality conceptualization, verbalization.

Шаг за шагом раскрывает наука тайны языка. И чем больше мы их узнаем, тем больше растет наше восхищение перед этим языком. Он поистине неисчерпаем, как неисчерпаемы чудеса мира, который нас окружает, и который мы не можем познать без помощи того же языка.

Р.Г. Пиотровский

Термин *концепт* появляется в трудах отечественных представителей когнитивного направления в лингвистике с 90-х гг. прошлого столетия. Иными словами, до недавнего времени отечественная наука обходилась без него, оперируя термином *понятие*, который, собственно, является переводным от латинского *conceptus*, что подтверждают философский словарь (1991) (концепт (лат. *conceptus* – понятие) – формулировка, умственный образ, общая мысль, понятие (концептуализм); в логической семантике – смысл имени [18, с. 203]) и лингвистический энциклопедический словарь (1990), где термин *концепт* не упоминается. В западной науке этот термин до сих пор остается единственным.

Однако отечественная лингвистика ощутила потребность обозначить явление смежное, но по некоторым признакам отличное от традиционно именуемого термином *понятие*. Наиболее распространено объяснение различий в значениях двух

терминов тем, что *понятие* – высвечивает преимущественно общефилософский, а *концепт* – лингвистический аспект значения. При этом термин *концепт* определяется как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*)» [6, с. 90], как единица познания (см., напр., работы А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, Е.С. Кубряковой, И.А. Стернина и других представителей когнитивного направления). Задачу дать более точную характеристику термина *концепт* решают иногда посредством его этимологического анализа, апеллируя к первичному значению латинского слова *conceptus* – *зачатый*, «зародыш», «зерно» [5, с. 617] и признавая тем самым априорный характер *концептов* и конвенциональный характер *понятий*. Такой подход подводит к заключению, что *понятия* как обыденные, так и научные, могут быть наивными, тогда как *концепты* всегда истинны, и «чем понятие ближе к кон-

Турбина Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общей лингвистики, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: toa@susu.ac.ru

Olga A. Turbina, PhD, professor, head of the department of General Linguistics, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: toa@susu.ac.ru

цепту, тем оно менее наивно» [5, с. 619]. Однако здесь вновь звучит общефилософская тема *концепта*, еще в большей степени относительно *понятия* уводящая его от темы языка, ибо *понятия* в силу их конвенциональности формируются по преимуществу в процессе логико-рациональной (рассудочной) обработки информации, а она, как известно, находится в более тесной связи с речевым аспектом когнитивной деятельности.

В чем же лингвистическая составляющая проблематики (и сути) *концепта*? Вопрос звучит все настойчивей, ибо в процитированных выше определениях она не высвечивается, либо просматривается очень застенчиво.

В большинстве случаев представители отечественного когнитивного направления рассматривают *концепт* с лингвокультурологической позиции и проводят изучение того или иного концепта посредством анализа лексических единиц, реализующих его вербализацию, которых, полагают они, в пределах одного языка может быть несколько. А «из наблюдения над употреблением единиц разных языков – их лексем и конструкций – составляется представление об общечеловеческих стандартах тех или иных концептов, лишь приблизительно сопоставимых в ментальности людей, говорящих на разных языках» [5, с. 620].

Вдумаемся. Если мы принимаем во внимание прозвучавшее выше определение *концепта* из словаря Е.С. Кубряковой, где он совершенно точно охарактеризован как оперативная единица мысли, то о концептах ли здесь речь? И что это, как не реакция отечественной науки на многолетние окопы материализма и внезапное освобождение от них в начале 90-х прошлого столетия. Ведь это платоновский мир *идей* (в более поздних концепциях – *универсалий*) предстает перед нами в процитированном выше описании априорного «мира концептов»; тот самый мир идей, который объективен и существует «до вещей», а сами идеи, согласно гипотезе «правильности/неправильности имен», могут быть названы неправильными именами, что и порождает множество именовании одной и той же идеи. Это даже не аристотелевский мир *вторых сущностей* (представлений о *первых сущностях* – материальных объектах – в душе человека¹), что более органично вписывается в контекст современной науки, поскольку *идея* в устах Аристотеля это и *мысль*, и *язык*, и *слово* (=логос). Тождество в синонимичном ряду *идея=мысль=язык=слово* высвечивает лингвистическую составляющую человеческого (а не отвлеченного от человека, как у Платона) мышления, то есть природной и неразрывной связи между единицей мышления (сознания) и единицей языка². Еще более внятно идея о неотъемлемой лингвистической составляющей в единице мысли (в *концепте*) звучит

из уст основателя и ярчайшего представителя средневекового концептуализма Пьера Абеляра (1079–1142). Абельяр был сторонником диалектического подхода к решению основного вопроса философии (спора об универсалиях). Будучи учеником одновременно и Иоанна Росцелина (крайнего номиналиста³), и Гийома де Шампо (крайнего реалиста⁴), он мог судить как о сильных, так и о слабых сторонах обеих концепций. Это позволило Абельяру занять в споре об универсалиях собственную позицию – позицию умеренного реалиста и положить начало новому направлению – *концептуализму*. Вдумаемся в размышления средневековых концептуалистов, ибо они актуальны и сегодня.

Согласно Абельяру универсалии ни до, ни после вещей; они суть в вещах (*in rebus*), поскольку каждая единичная вещь принадлежит к тому или иному классу. Общие признаки вещей, определяющие их форму, могут быть объяты только мыслью, а посему общее может быть только в мышлении, причем в мышлении конкретного человека, а не вне его. Универсалии представлены в мышлении *концептами*⁵, внешним аналогом которых являются *слова*. Сами концепты определяются как единицы или категории мышления, сложившиеся в результате опыта познания окружающей действительности⁶. Как не прислушаться, ведь сказано вполне достаточно даже для уровня современной науки, в особенности для того состояния, в котором пребывала зарождающаяся в начале 90-х гг. XX в. отечественная когнитивная лингвистика. Осталось расставить лишь некоторые акценты для того, чтобы вписать понятие *концепт* в современный контекст.

Итак, универсалии в вещах. Но они не являются таковыми в принципе до тех пор, пока не станут объектом познания, ибо вне человеческой культуры они вообще теряют проблемный смысл. Их формирование проходит путь от ощущения (органами чувств) через восприятие (совокупность информации от органов чувств) к представлению (формирование мысленного образа); от совокуп-

³ Номиналисты полагали, что слова – суть наименования единичных предметов; если в них и содержится что-то общее, то это всего лишь пустой «выдох голоса», а потому о существовании универсалий не может быть и речи. Реальны только конкретные вещи, но не абстрактные понятия; само слово реально лишь в силу того, что оно называет вещь, и его реальность кончается вместе с концом звучания.

⁴ Крайние реалисты считали реальными общие идеи вещей (универсалии), существование которых «начинается» до вещей и не зависит от последних. Универсалии находят выражение в знаках языка; слова являются как бы подтверждением существования универсалий, ибо, выражаясь современными терминами, в их глубинной семантике заложена общая форма предмета.

⁵ Это знаменует появление в науке термина *концепт*.

⁶ См. об этом подробнее: [16].

¹ Здесь – человека вообще.

² См. об этом подробнее: [17].

ности представлений – к осмыслению и интерпретации сознанием – к концептуализации. Условно «конечным»¹ актом этого когнитивного процесса являются *концепт* в мысли и его «аналог» в языке – *слово*. Здесь верный тон в оценке отношений между *словом* как единицей языка и *концептом* как единицей мышления и сознания задает особое положение языка в ряду «материя–дух». Указывая на это особое положение, через девять веков после Пьера Абеляра великий русский философ А.Ф. Лосев писал, что в отношении «материя–дух» язык занимает промежуточное положение, ибо представляет «третий вид бытия» наряду с чисто духовным и чисто вещественным, или, как писал основатель систематики языка и речевой деятельности современник А.Ф. Лосева французский лингвист Г. Гийом (1883–1960), язык – это периферическая система фиксации мыслимого [4, с. 11]. Двойственный характер языка проявляется в том, что его единицы одновременно и идеальны, и вещественны.

Вспомним, что еще в 1927 г. А.Ф. Лосев в «Философии имени» сожалел о том, что «современное русское языкознание влачит жалкое существование в цепях допотопного психологизма; и мимо наших языковедов проходит, совершенно их не задевая, вся современная логика, психология и феноменология» [7, с. 615]. При этом А.Ф. Лосев указывал на «одно чрезвычайно важное явление», которое, однако, идет из философских кругов и которое, по его мнению, совершенно не учитывается лингвистами и еще не скоро дойдет до их осознания: это – «учение Кассирера о „символических формах“» [7, с. 615].

Эмиля Кассирера по праву причисляют к самым последовательным из неокантианцев². Так, Э. Кассирер наиболее выпукло представляет безусловно имеющееся в философии И. Канта смещение акцентов с «субстанциональных» понятий на «реляционные», подчеркивая, что «мы познаем не предметы, но предметно» [20, с. 146]. Это означает, что когнитивный процесс в человеческой культуре задан не самой действительностью, а результатом ее преломления и интерпретации в сознании. Способом этой интерпретации и является язык, ибо он, как верно подметил Г. Гийом, по сути, представляет собой теорию, которую (под или надсознательно) творит наш разум для обсказывания (обозначивания) внешнего мира, с одной стороны, и нашего представления о нем – с дру-

гой. Поэтому «всякий языковой знак есть акт интерпретации как соответствующих моментов мышления, так и соответствующих моментов действительности» [8, с. 90]. Иными словами, *слово* и замыкает, и открывает когнитивный акт, и что самое главное – в определенной степени управляет им, а язык кодирует наши знания о мире, и путь, по которому наш разум идет в самопознании, возможен только через анализ системы языка и его единиц. Конечно, если бы мы могли наблюдать *концепт* непосредственно, минуя вещественную материальность (*слово*), в которой он воплощается, и отражение этой материальности в сознании (знак в системе), то путь познания *концепта*, в котором он сам стал бы начальной точкой анализа (как результат предшествующего акта [процесса] концептуализации), был бы реален. Но дело в том, что только *слово* (знак языка) является той одновременно «предмето»- и «смылоединицей», через которую единица мысли – *концепт* – получает возможность реализоваться как в реальном мире (путем научного анализа), так и в сознании людей, и поэтому только оно является единственным средством познания мыслью самой себя.

Итак, *концепт* стал объектом языкознания, как уже отмечалось выше, относительно недавно, и толкование этого термина в целом остается пока невнятным. Попытаемся разобраться в этом вопросе с позиции систематики языка и речевой деятельности (=психосистематики), для которой свойственен семиотический подход к анализу языковых явлений, позволяющий дать им наиболее точную характеристику и определить их место в системе.

Руководствуясь основополагающим законом (принципом) психосистематики *принципом системности*, отметим, что язык, как периферическая система фиксации всего потенциально мыслимого, т. е. как подсистема в системе сознания, должен отражать принципы организации системы в целом. Иначе говоря, единицы мысли и единицы языка, равно как и операции языка и мысли, *должны подчиняться общим законам*, или, как говорил Г. Гийом, принципам. Следовательно, семиотичность языка должна определять *семиотичность* мысли (и/или ею определяться). – **Это во-первых.** Очевидно, в этом кроется главная причина, по которой *концепт* привлек внимание языковедов. Разумеется, если знак языка, по определению Ф. де Соссюра, «психичен», т. е. хранится в сознании, то *концепт* «психичен» вдвойне, поскольку хранится в сознании (точнее – в под- или надсознании) на более глубоком уровне. Его изучение представляет одну из актуальнейших задач современной науки, но в обход анализа системы языка ее решение невозможно. Подчиняясь этой задаче, в современном языкознании и определилось когнитивное направление.

Основная цель когнитивной лингвистики была обозначена в последней трети прошлого столе-

¹ Мышление постоянно и бесконечно, и то, что завершает некий мыслительный акт (процесс), реально открывает новый.

² И. Канта называют отцом революции в философии, о которой он сам писал, что ей еще только предстоит произойти, как и революции в метафизике. Сущность этих революционных перемен должна, по словам И. Канта, состоять в том, чтобы раскрыть творческий, конструктивный характер человеческого познания, мышления, деятельности человеческого разума [10].

тия. Ее увидели в изучении природы «механизмов, имеющихся в распоряжении человека в процессе мышления, восприятия и понимания» [3, с. 128]. В частности, Т. Виноград связывает задачу разрабатываемой им процессуальной семантики с пониманием специфических механизмов употребления языка и способов, которыми они взаимодействуют с прочими аспектами функционирования мышления [3, с. 128–129].

Однако когнитивистам операции языка и мышления с самого начала представлялись чрезвычайно сложными, что приводило к усложнению и расхождению теорий, становящихся все менее доступными для проверки [2, с. 205]. В психосистематике позиция иная. Г. Гийом еще в первой половине прошлого столетия точно подметил, что для того, чтобы быть оперативной, система языка, равно как и система концептуализации, должна отвечать принципу (закону) *простоты*. – **Это во-вторых.** *Принцип простоты* опирается на гипотезу, что «базовые операции языка являются в основном операциями простыми, чрезвычайно простыми и немногочисленными», природу которых обеспечивают (и которыми обеспечиваются) возможности мышления. Эти основные операции и «служат основами структуры языка» [4, с. 52–53]. Именно поэтому операции языка и мышления доступны даже самому простому, в том числе и необразованному человеку [4, с. 53; 14, с. 39].

Принципы системности и простоты определяют характер отношения между единицами языка и единицами мысли. Оно должно быть прямым и взаимозависимым, а именно – одному слову должен соответствовать один *концепт* и наоборот. Только в этом случае операции языка и мысли, равно как и вся система концептуализации, могут быть оперативными. Дело в том, что *концепт*, как и слово (знак языка), являет собой результат преобразования и сращения вербальных и невербальных смыслов. Сегодня это уже подтверждено данными, полученными экспериментальным путем¹.

Данные клинических исследований в области межполушарной асимметрии, которая рассматривается сегодня как одна из фундаментальных закономерностей работы мозга, показали, что в речевой деятельности, активирующей механизмы как концептуализации, так и вербализации, участвуют оба полушария. Человеческий мозг представляет собой подобие сложной кибернетической системы в виде двух спаренных компьютеров, которые работают каждый по своей определенной

программе, перерабатывая информацию принципиально различным способом, но в процессе активного взаимодействия: правый мозг управляет образным восприятием и чувственным познанием [1, с. 10; 11, с. 17; 12, с. 135; 19, с. 30], левый отвечает за абстрактно-логический способ познания [1, с. 10; 9, с. 147; 11, с. 17–21]. Тот факт, что оба полушария работают непрерывно, а совершаемые ими операции симультанны, означает, что любой речемыслительный акт включает все механизмы познания и охватывает все типы мышления. Так, эксперименты подтвердили, что восприятие звучащего слова активирует в коре мозга не только зону слуха и зону абстрактно-логической обработки, связанную с языковым кодированием (семиозисом), но и зоны, отвечающие за восприятие, распознавание и формирование чувственного образа обозначаемого данным словом предмета (зрительные, вкусовые, обонятельные, тактильные и пр.). И наоборот, даже пассивное восприятие предмета провоцирует возбуждение речевых центров, хотя оно и будет более слабым, чем при восприятии речевого сигнала.

Следовательно, каждое свойство воспринимаемого предмета (включая его отношения с другими предметами окружающего мира) должно найти отражение в структуре языкового знака (и в системе языка), и напротив – каждый элемент концептуальной семантической схемы и концептуальной структурной модели языкового знака должен быть в той или иной степени мотивирован реальными свойствами предмета. Разумеется, изначальная прямая мотивация может утрачиваться, но концептуализация понятия (представления об объекте или явлении действительности) и концептуализация слова (языкового знака, именующего, объясняющего и категоризирующего представление об объекте) невозможны вне этих взаимообусловленных отношений. Собственно *концепт* и есть результат их взаимонаправленного характера, в силу чего в его структуре должна быть и составляющая от понятия, и составляющая от языкового знака – то, что интуитивно чувствует каждый лингвист, и то, что ставит *концепт* в ряд объектов языковедческой науки [17].

Но это значит также и то, что один и тот же *концепт* – оперативная единица мысли² – в пределах одного языка не может быть представлен несколькими словами, ибо мышление, так же как и язык, чтобы быть оперативным, стремится к точности выражения на уровне представления, т. е. – на концептуальном уровне. Поэтому, подчиняясь логике когниции, приходится настаивать, что для явления ментального уровня, обозначающегося в том или ином языке рядом слов и выражений, более подходит не термин *концепт*, а термин *кон-*

¹ На эксперимент в области изучения процессов концептуализации, связанных с развитием и функционированием механизмов языкового кодирования, Г. Гийом возлагал большие надежды. Он осознавал, что его открытия в лингвистике получат действительное материальное и фактическое подтверждение лишь тогда, когда удастся в ходе экспериментальных исследований функционирования мозга получить данные о бессознательных процессах в мышлении и сознании.

² Согласно закону системности, принципы функционирования подсистем в системе сознания едины: концепт это единица, которой оперирует мысль аналогично тому, как речь оперирует словом.

цепция – система представлений о чем-либо¹. Лучше всего это заметно в служебной лексике и в грамматике, поскольку здесь языковое представление концепции достигает высокого уровня категоризации². Так, например, система личных местоимений отражает языковое представление концепции субъект-объектного членения универсума и категоризации его в плане лица/персональности. Иными словами, национальная концепция субъект-объектного членения универсума реализуется в местоименной парадигме, где каждая форма соотносима с определенным концептом и отражает как характер концептуализации, так и степень категоризации лица/персональности в языке. Например, прилагательная форма *je* в современном французском языке соотносима с концептом «говорящий (первый) участник речевой ситуации», а самостоятельная форма *toi* – с концептом «тот, кто осознает себя говорящим (первым) участником речевой ситуации» в силу того, что концептуальная семантическая схема местоимения *toi*, наряду с семьей первого лица, содержит и семью третьего лица («этот некто есть я»), именуемого в психосистематике термином «объективное логическое лицо». Притяжательное местоимение *ton* являет языковое представление концепта «присваемое тем, кто мыслит себя маскулинно и осознает говорящим (первым) участником речевой ситуации», где к семье первого лица, помимо семьи третьего лица добавляется сема «притяжания» и т. д. В силу того, что более точную экспликацию смысла конкретного концепта, в особенности достигшего высокого уровня языковой категоризации, дать невозможно, она, как видно из примеров, остается в значительной степени приближенной. Однако это объясняет сам факт концептуальной категоризации, совершаемой системой когниции в силу потребности в уточнении концептуального значения посредством сращения представления о явлении внешнего мира и представления о знаке языка.

Таким образом, система местоимений первого лица представляет в языке концептуальную подсистему (или «под-концепцию») в концепции субъект-объектного членения универсума. Она имеет не полевую, как иногда полагают, структуру, а структуру сети, где организующим узлом выступает концепт, который не содержит маргинальных признаков, или содержит их в минимальном количестве. В данном случае это оперативная единица языка *je*, соотносимая с соответствующей ей оперативной единицей мысли (=концептом) и

связанная пучками оппозиций с прочими единицами системы (национальной концепции) первого лица (говорящего субъекта). Главное отличие концептуальных сетей от понятийных полей состоит в том, что внутри понятийного поля возможно взаимопересечение и взаимоналожение смежных понятий; концепты же всегда выстраиваются в оппозиции.

Следует обратить внимание также на то, что приведенные примеры объясняют, почему концепт является единицей, в которой преобразовались и неразрывно срослись вербальные и невербальные смыслы: *мышление не может оперировать такими сложными образованиями, какие получаются в результате попыток экспликации концепта*. Но оно легко оперирует простыми единицами, связанными между собой системой определенных отношений, где значения единиц определяются занимаемой ими позицией. Так, например, использование только одной глагольной формы предполагает быстрое восстановление в памяти всей системы спряжения глагола. Только это делает возможным воссоздать в сознании «архитектурное построение образа времени» (=концепцию), в котором эта конкретная форма обозначает определенный момент (вербализует концепт), «более или менее отстоящий от других в последовательности построения системы» [4, с. 83].

В заключение этой очень ограниченной в своих рамках статьи остается выразить согласие с профессором В.З. Демьянковым в том, что понятия, в отличие от концептов, имеют *по преимуществу* конвенциональный характер. Но заметим, что главное и принципиальное отличие понятий от концептов состоит в том, что они (понятия) не имеют связи со структурным аспектом языкового знака. Не случайно понятийные категории не имеют в языке специальных знаков для их выражения в отличие от грамматических категорий, формирование которых завершается закреплением специальной грамматической формы для обозначения определенного грамматического значения³. И этим же подтверждается непосредственная связь между конкретным концептом и конкретным словом (знаком языка).

Что касается природы концептов, то они не могут быть априорны в силу постериорности человеческого сознания, оперативными единицами которого они являются. Следовательно, концепты формируются в процессе речемыслительной (=когнитивной⁴) деятельности носителей того или иного языка, но формируются в отличие от понятий по преимуществу *естественным путем*, т. е. тем же путем, каким рождаются слова.

Наконец, в качестве послесловия следует отметить, что лингвистическая концептология, по-

¹ В настоящее время этот термин употребляется в несколько ином значении, обозначая систему научных взглядов.

² В силу закона системности и языкового семиозиса природа и принципы формирования и функционирования единиц разных уровней системы языка едины, но следует признать, что процессы номинации и категоризации хотя и схожи, но не тождественны.

³ См. об этом подробнее: [13].

⁴ В данном случае термины *речемыслительная* и *когнитивная деятельность* употребляются как синонимы.

ставившая *концепт* в фокус языковедческого анализа, переживает сегодня пору своего оторочества, и многие идеи, в том числе ряд тех, что прозвучали в данной статье, требуют дальнейших разработок и проверки в ходе анализа языкового материала, детального изучения механизмов речемыслительной деятельности, в том числе и с привлечением экспериментальных аппаратных методов исследования функционирования человеческого сознания, включая над- и подсознательных его областей. Гипотеза, что концептуальная картина мира и творит язык, и сама творима системой языка в процессе когнитивной деятельности языкового коллектива, в настоящее время лингвистами как будто уже не оспаривается, но и она пока не получила полного и основательного подтверждения.

Литература

1. Адрианов, О.С. Проблема структурной организации правого и левого полушарий мозга / О.С. Адрианов // *Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга* / под ред. Е.Д. Хомской. – М., 1986. – С. 9–13.
2. Ван Дейк, Т.А. Стратегии понимания связного текста / Т.А. Ван Дейк, В. Кинч // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 153–211.
3. Виноград, Т. К процессуальному пониманию семантики / Т. Виноград // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М., 1983. – Вып. 12. – С. 123–171.
4. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М., 1992. – 218 с.
5. Демьянков, В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // *Язык как материя смысла: сб. ст. в честь академика Н.Ю. Шведовой* / отв. ред. М.В. Ляпон. – М., 2007. – С. 606–622.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1997. – 245 с.
7. Лосев, А.Ф. *Бытие. Имя. Космос* / А.Ф. Лосев. – М., 1993. – 958 с.
8. Лосев, А.Ф. *Знак. Символ. Миф* / А.Ф. Лосев. – М., 1982. – 479 с.
9. Лурия, А.Р. *Основные проблемы нейролингвистики* / А.Р. Лурия. – М., 1975. – 253 с.
10. Свасьян, К.А. *Философия символических форм Кассирера* / К.А. Свасьян. – Ереван, 1989.
11. Трауготт, Н.Н. *Межполушарные взаимодействия при локальных повреждениях головного мозга* / Н.Н. Трауготт // *Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга* / под ред. Е.Д. Хомской. – М., 1986. – С. 14–22.
12. Траченко, О.Н. *О факторах, определяющих латерализацию восприятия слов* / О.Н. Траченко // *Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга* / под ред. Е.Д. Хомской. – М., 1986. – С. 131–139.
13. Турбина, О.А. *Отношения между языковыми и логическими категориями* / О.А. Турбина // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. – 2004. – Вып. 1. – № 7(36). – С. 4–7.
14. Турбина, О.А. *Психосистематика языка и речевой деятельности* / О.А. Турбина. – Челябинск, 2007. – 93 с.
15. Турбина, О.А. *Слово и концепт* / О.А. Турбина // *Коммуникация и язык в социально-культурном пространстве: междисциплинарный подход: материалы междунар. конф.* – Челябинск, 2009. – С. 341–350.
16. Турбина, О.А. *Универсальная грамматика в контексте средневековой схоластики* / О.А. Турбина // *Романская филология*. – Екатеринбург, 1994. – Т. 2. – С. 63–73.
17. Турбина, О.А. *Язык в концепциях Платона и Аристотеля* // *Лингвистика*. – Екатеринбург, 1998. – Вып. 4. – С. 53–63.
18. *Философский словарь*. – М., 1991. – 600 с.
19. Хомская, Е.Д. *Проблема факторов нейропсихологии* / Е.Д. Хомская // *Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга*. – М., 1986. – С. 23–32.
20. Cassirer, E. *Philosophie der symbolischen Formen. Bd. 1. Die Sprache* / E. Cassirer. – Berlin, 1923.

Поступила в редакцию 28 декабря 2012 г.